

Сергей Луцки

Становление поэта

Материалы к биографии Эдуарда Багрицкого

В 1919 году известный поэт и теоретик литературы Георгий Шенгели, находившийся тогда в Одессе, печатно провозгласил: «Южнорусская школа поэтов, столь отчетливо запевшая в последние годы в Одессе...»¹. Вскоре почти все ее представители получили признание как прозаики, лишь один Багрицкий остался верен чистой поэзии. В. Катаев назвал его «первым мастером южнорусской романтической школы»². Он вошел в большую литературу «Багрицким», этот красочный псевдоним, от слова то ли *багровый*, то ли *багряный*, превратился со временем в его родовую фамилию, которую приняла его жена, унаследовал сын. И сегодняшняя молодежь (не раз приходилось слышать) считает ее исконной фамилией, не воспринимает как псевдоним. В действительности же фамилия поэта звучала иначе, а псевдонимов поначалу было несколько.

Как ни странно, «до сих пор нет ни авторитетной научной биографии Багрицкого, ни подробной летописи его жизни»³, – это написано совсем недавно, в 1996 году, спустя столетие со дня рождения поэта. Даже в новейшем издании стихов Багрицкого, вышедшем в Санкт-Петербурге в 2000 году с интереснейшим полемическим послесловием⁴, использованы лишь перепечатки старых автобиографических фрагментов. А они ненадежны: «Я родился в 1896 году»⁵ (по метрической записи – в 1895!); «В 1915 году впервые было напечатано мое стихотворение»⁶ (ниже даны стихи, напечатанные в конце 1913-го). В работе М. Спивак приводится высказывание В. Катаева о Багрицком: «Был фантазер. Вся его биография абсолютно липовая»⁷.

Опубликованы две «Хронологические канвы для биографии Э. Багрицкого»: в «Альманахе» 1936 года⁸ и в материалах С. Блох, 1974 года⁹. Обе содержат минимум сведений, не имеют ссылок на источники информации.

Создается впечатление, что в их основе лежит устная традиция. Коренная причина ненадежности всяких биографических сведений о Багрицком четко объяснена у М. Спивак: «Полнейшие беспорядок и неорганизованность имели место также и в его деловых бумагах. Никогда не хранил своих рукописей, совершенно о них не заботился. Никогда не было порядка в документах, относился к ним страшно безалаберно и халатно. Терял важные документы, например, утерял свой воинский билет. Прописывался по каким-то справкам, вроде выданной, например, газетой «Морьяк». Когда проводилась паспортизация, то не оказалось документов, удостоверяющих его личность. Были частые недоразумения с истинной фамилией (Дзюбин) и фамилией Багрицкий (псевдоним), вечно путались в документах эти фамилии. Эта неразбериха с документами осталась и после смерти, в связи с утверждением жены в правах наследования»¹⁰.

За отсутствием первичных документов все пишущие о Багрицком вынуждены опираться лишь на опубликованные воспоминания современников. Среди них только один Б. Скуратов смог что-то рассказать о школьных годах будущего поэта, но без конкретных дат и фактов. Соратники по «южнорусской школе» перезнакомились позднее, к 1914 году. Жена и ее сестры встретились с уже приобретшим известность Багрицким в 1920 году. Периоды же детства и юности – сплошное белое пятно, вся наличная информация – вторичные пересказы, во многом с его же слов. В результате бытует множество легенд, зачастую противоречащих друг другу.

В легендарных наслоениях прослеживается некая закономерность. Можно выделить три основные линии, которые с некоторыми вариациями следуют за господствующей идеологией своего времени. В 1920-х годах преобладают темы романтической бесшабашной богемной жизни поэта (вспомним повесть В. Катаева «Бездельник Эдуард»). К 1930-м нарастает новая тенденция – о безрадостном полунищем детстве в затхлой трущобе

(укажем на стихотворение «Происхождение» самого Багрицкого, на воспоминания в «Альманахе» 1936 года). А в 1990-х «нажимают» на еврейское происхождение – и в среде хулителей, и в среде почитателей. В каждой легенде и в каждой тенденции есть зерна истины, но гораздо больше – позднейших наслоений.

Составители и комментаторы столичных изданий книг Багрицкого зачастую слабо ориентируются в реалиях одесской литературной жизни 1910-х годов, путаются в конкретных датах и фактах. Неточности перетекают из тома в том.

Так, в предисловии к одному из сборников сказано: «Альманахи «Смутная алчба» и «Чудо в пустыне» составлялись уже в 1918 году – когда на Украине кипела гражданская война»¹¹, далее следуют соответствующие идеологические выводы... В действительности же «Смутная алчба» анонсировалась в прессе, начиная с сентября 1915 года, но так и не была издана, а «Чудо в пустыне» поступило в продажу в апреле 1917-го, задолго до начала Гражданской войны. В другой книге читаем: «Авто в облаках». Именно в этом альманахе появляются в 1915 году первые стихи Багрицкого»¹². Снова ошибка, точнее – две. Этот альманах, вышедший в сентябре 1915-го, был далеко не первым. Ранее, в апреле 1915-го, изданы «Серебряные трубы» с подборкой стихов Багрицкого, а первые публикации под этим псевдонимом появились в газете еще в феврале 1915-го.

В домашней картотеке и архивном собрании автора данной работы за последние 30-40 лет исподволь накопилось некоторое количество информации о первых шагах начинающего Багрицкого. Возникла потребность собрать все воедино, систематизировать, осмыслить и ввести в научный оборот для будущих биографов поэта. Какие-то фрагменты уже известны, но подзабыты, иные же публикуются впервые. Автор стремился раскрыть все первоисточники, дать максимальную библиографию, обосновать каждый факт и каждую дату. Основные источники: фонды Государственного архива Одесской области (далее в ссылках ГАОО) и Одесского литературного музея, материалы из домашнего собрания и картотеки автора, а также одесские малотиражные издания, местная периодика 1910-х годов, публикации краеведов 1960-х – 1990-х годов. Хронологические рамки работы – до 1915

года включительно, до прихода известности к поэту. Все даты приводятся так, как они даны в источниках: дореволюционные – по старому летосчислению, иногда сдвоенные; советские и современные – по новому.

* * *

В фонде Одесского городского раввината, хранящемся в областном архиве, имеется «Метрическая книга о рождении» за 1895 год с записью под № 1594 от 24 октября:

«Где родился – в Одессе;

Состояние отца, имена отца и матери – Одесский мещ. Гodelь Мошков Дзюбан, жена Ита;

Кто родился и какое ему или ей дано имя – сын Эдуард род. 22, а обр. 29 октября»¹³.

Рядом с записью стоит оттиск позднейшего штампика чернилами с датой «15 март. 1904» – очевидно, отметка о получении метрического свидетельства перед поступлением в учебное заведение (мальчику минуло восемь лет).

Итак, документированная дата рождения – 22 октября 1895 года по летосчислению того времени, что соответствует 3 ноября по современному (напомним: в XIX столетии разница составляла 12 суток). Первая «Хронологическая канва для биографии Э. Багрицкого» в известном «Альманахе» 1936 года¹⁴ указала «4 ноября» (по новому стилю) без ссылки на первоисточник – видимо, результат неправильного пересчета. В последующих книгах и статьях встречаются обе даты, иногда 4 ноября переводят обратно на старый стиль: «4 ноября (23 октября)».

Исконная фамилия будущего поэта – Дзюбан, но не Дзюбин, как принято думать. Кстати, именно так отец поэта значится в справочниках «Вся Одесса»: «Дзюбан, Г.М. Ремесленная, 40. Галлант, торг.»¹⁵. Вариант написания «Дзюбин» впервые встретился нам в виде подписи поэта в 1914 году (см. далее).

Бросается в глаза необычное для той среды и того времени имя младенца – Эдуард. В соседних записях значатся традиционные: Соломон, Хаим, Иосиф, Ицхок, Симха-Лейб, Исаак, Шмая-Герш, Яков, Ицхок, Абрам... И вдруг – Эдуард! В метрической книге второго такого не встретилось. Всего здесь перечислены

2018 родившихся за 1895 год, мальчиков и девочек. Преобладали библейские имена, но изредка появлялись и общепринятые русские: примерно в двадцати случаях – Александр; по пять-шесть раз – Николай, Владимир, Михаил, Павел; по одному разу – Георгий, Сергей, Станислав. Аналогично и женские имена: Ольга, Евгения, Анастасия. Создалось впечатление, что до десяти процентов новорожденных принадлежали к семьям из «среднего» класса, которые уже отходили от отцовских традиций. К ним можно отнести и семью Дзюбанов. Только за 1895 год из этой среды вышло три будущих «русскоязычных» литератора: Эдуард Багрицкий, Станислав Радзинский, Александр Соколовский¹⁶.

Современники утверждали, что нетрадиционное имя Эдуард появилось по инициативе его матери, которая любила читать романы, была «несколько легкомысленная», «фантазерка», «играла под аристократку»¹⁷.

Судя по метрической книге, где отец назван «Годель Мошков», сын его должен был стать Эдуардом Годелевичем. В быту же он превратился в Эдуарда Георгиевича, но с какого времени – проследить не удалось. В альманахе 1936 года и в первом томе «Собрания сочинений», изданном в 1938-м, отчество поэта не упомянуто ни разу, даже в «Хронологической канве».

Любопытная информация о жизни семьи в середине 1910-х годов содержится в воспоминаниях двоюродного брата Эдуарда, А.Д. Ройтмана¹⁸. Они писались в 1985 году, на склоне лет, были предложены одной из одесских газет, но в печать не попали. Бесхитростные, чисто бытовые, написанные начерно на одном дыхании, почти без знаков препинания, они не отягощены никакими литературными оценками и не засорены идеологией. Дано достаточно подробное описание квартиры, характеристики членов семьи. Хронологически охвачен период с 1914 года до отъезда Багрицкого из Одессы. Фрагменты из воспоминаний предлагаются вниманию читателей (см.: *Приложение*).

Словесный портрет отца будущего поэта: «Среднего роста, довольно полный, отличался исключительной воспитанностью и добрым характером. Жизнерадостный, приветлив, всегда его разговор отличался юмором». Работал приказчиком в известной

мануфактурной фирме Пташникова. «Смерть отца, 1918 г., унесла все благополучие семьи». Это совпало с революцией, которая, добавив от себя, обрекла на нищету не только эту семью.

Подробно описана квартира Дзюбиных в доме № 40 по ул. Ремесленной: несколько комнат в дворовом флигеле, в бельэтаже. У Эдуарда – отдельная большая комната с тремя окнами: «Клетки были размещены по всей высоте всех трех оконных проемов». Перечислена обстановка столовой: массивный двухэтажный буфет с мраморной доской, огромное зеркало в золоченой раме, ломберный столик, обеденный стол посередине комнаты.

Из далекой столицы не совсем понятно, что представляет собой улица с прозаическим названием Ремесленная. Она расположена вблизи фешенебельного центра города, идет параллельно престижной Пушкинской. Застроена, в основном, многоэтажными домами, иные – в предреволюционном стиле модерн. Это одна из важных торговых артерий, ведет к морскому порту. Здесь жили многие представители торгового капитала, врачи, юристы. Стояла англиканская церковь. До недавнего времени в одном из уютных особняков располагалось индийское консульство. Багрицкий прожил здесь первые 25 лет жизни: родился в доме на углу улиц Базарной и Ремесленной, вскоре семья переехала на Ремесленную, 40. Эта квартира была оставлена уже в советские времена, по свидетельству А. Ройтмана – в 1922 году.

Адрес отца на Ремесленной, 40, фигурирует из года в год в справочниках «Вся Одесса». Это еще одно подтверждение его устойчивого общественного положения.

В различных автобиографических заметках Багрицкий не раз повторял, что «родился в мелкобуржуазной еврейской семье»¹⁹. Все сказанное выше подтверждает, что семья действительно была мелкобуржуазной, но ни в коем случае не ортодоксальной, не местечковой.

Внимательное прочтение метрической записи, автобиографических заметок поэта, рукописи его двоюродного брата, воспоминаний современников позволяют непредвзято понять социальный статус семьи, в которой рос будущий поэт. При этом невольно разрушаются многие привычные стереотипы советской

и постсоветской заидеологизированной критики, как «левой», так и «правой». Чего только не писали и не продолжают писать сегодня о Багрицком...

Начнем с имени, данном при рождении, – Эдуард. Как совместить этот факт с утверждением, якобы «Багрицкий вырос в семье, в которой относились с уважением к традиционным иудейским обычаям и обрядам». Скажем так: или «традиционные иудейские обычаи», или «Эдуард». Одно исключает другое.

Ознакомившись с описанием квартиры Дзюбиных в рукописи двоюродного брата, обратимся к следующему пассажи: «Тот религиозный и бытовой уклад, который царил в пропахшей вековым запахом бедности квартирке Дзюбиных на Ремесленной улице. Потомок едва сводившего концы с концами владельца мелочной лавочки»²⁰. Без комментариев...

Подобные примеры можно продолжить. Авторы подобных высказываний обычно отталкивались от трагических образов известного стихотворения 1930 года «Происхождение». Но не пора ли увидеть в «Происхождении», равно как и в «Смерти пионерки», лишь уступку правящей идеологии 1930-х годов, набравшей тогда зловещую силу? К сожалению, не один Багрицкий был тяжело болен откровенным конформизмом – вспомним не менее любимых нами Катаева или Бабеля.

* * *

По воспоминаниям Б. Скуратова, одного из юношеских приятелей Эдуарда, тот в 1911-1912 годах принимал активное участие в издании рукописного ученического журнала в какой-то «школе» (название ее не указано), где учились его друзья: «Всего вышло четыре или пять номеров этого журнала, и все они были разрисованы Багрицким. Стихов он тогда еще почти не писал, довольствуясь славой и высоким званием «главного художника»²¹. И сам Багрицкий писал в автобиографических заметках, что хотел поступить в художественное училище, но родители воспротивились. Скуратов рассказал также, как был придуман псевдоним *Дези* для подписей под рисунками – по первым буквам фамилии *Д з*, по образцу подписи *Ре-ми* популярного рисовальщика столичного журнала «Сатирикон» Н.В. Ремизова.

Рисунки за подписью Дези не приходилось видеть ни в оригиналах, ни в репродукциях. Но в местной периодике этот псевдоним обнаружен несколько раз. В апреле 1912 года в рубрике «Почтовый ящик» одесского юмористического журнала «Крокодил» был напечатан язвительный ответ некоему Дэзи с критикой присланного им неудачного стихотворения: «Дэзи, подобно Гамлету, останавливается в недоумении перед мировой загадкой...»²². Ответ дан за подписью «Э-сь», то есть Эскесс – популярный псевдоним поэта Семена Кесельмана.

В марте следующего, 1913 года, «Дэзи» снова появился в печати, на страницах литературного сборника «Молодой журнал». На этот раз – в качестве персонажа рассказа «Матовый фонарь»: в зимний вечер накануне Рождества ученик некоего училища, робкий Дэзи, пишущий стихи, впервые посещает публичный дом²³. Случайное ли совпадение, или герой действительно списан с реального начинающего поэта, никто уже не скажет. При этом невольно вспоминается нашумевшая позднее повесть В. Катаева «Бездельник Эдуард» (написана в 1920 году). «Матовый фонарь» примитивен, не блещет литературными достоинствами – продукт пера начинающего автора. Любопытно другое: некоторые сюжетные повороты рассказа впоследствии странным образом возникли вновь в поэме Э. Багрицкого «Февраль». Автор рассказа, некто Макс Агор, не оставил памятных следов в одесской литературной жизни, известна еще лишь одна его местная публикация с датой «Москва, март 1913»²⁴. Возможно, он рано уехал из Одессы или ушел на фронт летом 1914-го.

Появление в сборнике «Матового фонаря» вызвало громкий скандал. Временным комитетом по делам печати в г. Одессе, а затем и окружным судом было признано, что «...рассказ под названием «Матовый фонарь»... является явно противным нравственности и благопристойности и заключает в себе все признаки преступления»²⁵. Тяжба продолжалась почти год, в феврале 1914-го весь тираж «Молодого журнала» в количестве 1400 экземпляров был уничтожен. В Одессе остался единственный образец, подшитый в архивном деле вместе с судебной перепиской²⁶. По одному экземпляру сохранилось также в главных библиотеках Москвы и Петербурга.

* * *

Появление в печати стихотворений за подписью «Desi» относится к декабрю 1913 года. Это самая первая публикация будущего Багрицкого! Честь открытия принадлежит А.Ю. Розенбойму²⁷, он ввел в научный оборот два номера забытого одесского сборника «Аккорды». Ранее о существовании таковых было известно лишь понаслышке, ни в одной из библиотек родного города книг не оказалось, они не были учтены серьезным «Систематическим указателем литературы за 1914 год» И. Владиславлева, о них не знали даже составители четырехтомного библиографического указателя «Литературно-художественные альманахи и сборники», изданного Всесоюзной книжной палатой в 1957-1960 годах. Розенбойм разыскал оба выпуска в Санкт-Петербурге, в бывшей Императорской публичной библиотеке, куда в свое время стекались обязательные экземпляры всей типографской продукции страны. Впоследствии по его рекомендации Одесский литературный музей заказал фотокопии этих раритетов²⁸.

Выход в свет первого номера «Аккордов» был зарегистрирован Временным комитетом по делам печати г. Одессы 7 декабря 1913 года²⁹, тираж – 700 экземпляров. Архивная запись о регистрации второго номера пока не обнаружена. Видимо, это произошло в начале 1914 года. В обеих книжках «Аккордов» насчитывается в сумме не менее пяти текстов юного поэта под разными, легко угадываемыми подписями. В первом выпуске – два стихотворения³⁰:

Эдуард Д. Розы;

Desi. Мечте.

Во втором выпуске – два стихотворения и статья³¹:

Desi. Лунные цветы;

Э. Д. О Брюсове (Критический этюд);

Эдуард Дзюбин. Поэт.

Все тексты Багрицкого из «Аккордов» учтены в библиографических сводах, посвященных его творчеству, 1974 и 1978 годов³².

* * *

Стихотворения, будем откровенны, вряд ли смогут заинтересовать современного читателя, и важны лишь как подтверждение факта первой публикации. По текстам легко определяются

образцы для подражания – у кого из старших поэтов учился юноша. Возможно, правильно поступали составители всех посмертных собраний сочинений Э. Багрицкого, не включая эти пробы пера в его творческое наследие. Все же перепечатаваем их впервые, в *Приложении*, в качестве документов к будущей биографии.

«Критический этюд» о В. Брюсове – свидетельство пристального интереса начинающих одесских поэтов к творчеству влиятельного московского мастера. Всего через год группа авторов альманаха «Серебряные трубы», в котором участвовал и Багрицкий, отправила свою книгу тому же Брюсову с многозначительной надписью: «Учителю Валерию Яковлевичу г. Брюсову от учеников. Одесса. 8.IV.1915»³³.

Любопытны в «Аккордах» поиски начинающим поэтом своей авторской подписи. Кроме придуманного ранее *Desi vidim здесь варианты инициалов Э. Д. и Эдуард Д.*, а также *Эдуард Дзюбин* – несколько измененное, всего на одну букву, начертание подлинной фамилии. Насколько удалось проследить, это первый случай появления в печати варианта *Дзюбин* вместо *Дзюбан*. Все последующие биографы трактовали *Дзюбин* как подлинную фамилию Багрицкого. Может быть, следовало бы и *Дзюбина* причислить к псевдонимам?

В каком окружении начинал Эдуард Дзюбин? В двух выпусках «Аккордов» насчитывается свыше двадцати различных подписей, авторов же было, очевидно, несколько меньше. Иные из них, к примеру, некто *Отто Ф. Кильбах*, не оставили никаких следов в последующей одесской периодике. Некоторые из псевдонимов, типа *Элли* или *Дрелли*, расшифровать не удалось. Достаточную известность, даже за пределами Одессы, приобрели со временем Иза Кремер, Александр Биск, Яков Гольденберг, Борис Бобович³⁴. Особо хочется вспомнить Лео Розена – именно он вывел Розенбойма на поиски «Аккордов»: «Якось у розмові з одним з найстаріших в Одесі працівників культури Л.А. Розіним я почув розповідь про один невідомий раніше збірник. <...> – Грішним ділом, брав в цьому участь і я. До цього часу пам'ятаю, як ми з Едуардом Багрицьким продавали їх <...> в Міській саду – «Купуйте новий альманах «Акорди»! Вірші молодих поетів!»³⁵. Вспоминал об «Аккордах» и еще один поэт тех лет, Исидор Бобович, старший брат только что

упомянутого Бориса Бобовича: «Вскоре после выхода в свет нашего первого сборника³⁶, в моей комнате... появился девятнадцатилетний юноша в форме землемерного училища Линденера. В руках у него была тощенькая книжка или тетрадка – то ли журналчик, то ли сборничек под довольно затасканным названием «Аккорды». Это был Эдуард Дзюбин»³⁷. Мемуарист иронично, но справедливо описал «Аккорды». Действительно, все перечисленные ранее сборники 1913 года были изданы юными неопытными авторами крайне примитивно, напечатаны во второстепенных дешевых типографиях, со множеством опечаток. Тексты набраны в два столбца на каждой странице (из экономии бумаги?), с пагинацией по столбцам, тексты начинались с обратной стороны обложки. Объемы брошюр: «Молодой журнал» – 32 страницы; два номера «Молодости» – 8 страниц в первом и 12 во втором; два выпуска «Аккордов» – по 16 страниц в каждом. Выход их в свет не был замечен прессой, не отмечался рецензиями, очень скоро все они оказались забытыми.

Необходимо разобраться с понятием «землемерное училище».

А. Розенбойм доказал, что речь идет о «Политехнических курсах»³⁸. Реклама гласила: «М.Н.П. [Министерство народного просвещения]. Политехнические курсы инженера М.П. Линденер. Одесса, ул. Полтавской победы, № 29 [так называлась в те годы улица Канатная]. Отделы: инженерный, архитектурный, электротехнический – 3 года, землемерный – 2 года. При курсах: физический, химический, электротехнический и геодезический кабинеты. Электрическая станция...»³⁹. Обратим внимание на слова: «землемерный» отдел, «геодезический» кабинет, которые подвели будущих мемуаристов и исследователей. Курсы функционировали с 1913 года. «Хронологическая канва» в Альманахе 1936 года сообщает: «1913 г. Переход в землемерное училище»⁴⁰. Аналогичная «Хронологическая канва» в работе С. Блох усиливает путаницу: «1913 г. Переход в Землемерное училище. <...> 1916 г. Слушатель Геодезических курсов»⁴¹. И никто при этом не дает ссылок на источники информации. Очевидно, речь идет об одном учебном заведении. Непонятно, сколько лет проучился в нем Багрицкий, закончил ли... Не удалось обнаружить ни одного архивного документа касательно учебы поэта ни на Политехнических курсах, ни в реальном училище В.А. Жуковского.

После «Аккордов» подпись *Desi* исчезла из поля зрения, казалось – навсегда. Но нет. В 1922 году уже очень известный Багрицкий вернулся, в последний раз, к псевдониму своей юности. В апрельской книжке одесского журнала «Театр» за такой подписью появилась рецензия на только что изданный в Одессе сборник стихов Веры Инбер «Бренные слова»⁴². А спрятаться за псевдонимом понадобилось, вероятно, по той причине, что и Багрицкий, и В. Инбер значились сотрудниками журнала, неудобно было рекламировать коллегу. В библиографии (см. прим. 29) эта статья не учтена. В 2000 году забытая рецензия с упоминанием авторства Багрицкого была перепечатана в книге, посвященной одесскому периоду творчества В. Инбер⁴³.

В мае 1966 года краевед А. Владимирский выступил в Одесском Доме ученых с докладом «Первое печатное стихотворение Э. Багрицкого «Счастье»⁴⁴. Доказывалось, что первой публикацией поэта было стихотворение за подписью «Иван Горцев» в одесском сборнике «Живое слово» весной 1914 года. Один из аргументов – в 1923 году Багрицкий неоднократно пользовался псевдонимом «Рабкор И. Горцев» в одесской газете «Известия». Об «Аккордах» докладчик не знал. Об открытии сообщили газеты⁴⁵, одна из них привела текст стихотворения полностью⁴⁶. Кое-кому из слушателей доводы показались недостаточно убедительными, с тех пор прошло свыше тридцати лет, стали известны более ранние публикации 1913 года в «Аккордах», гипотеза Владимирского не нашла подтверждения, но и не была опровергнута. Библиографические указатели ее не учли. Вопрос остается открытым.

* * *

Самое значительное событие в истории будущей «южнорусской» литературной школы – вечера поэтов летом 1914 года, первая попытка объединения творческой молодежи Одессы. О них написано достаточно много: в текущей периодике того времени, в воспоминаниях участников (прежде всего, В. Катаева), позднейших исследованиях. Напомним основные даты и факты, имеющие непосредственное отношение к теме настоящей работы. 27 мая 1914 года появилось газетное объявление, подписанное

популярным критиком Петром Пильским: «Поэтам Одессы. Этой зимой возникла мысль об устройстве вечера молодых поэтов юга... Я прошу молодых поэтов собраться в литературном клубе сегодня в 9 час. вечера»⁴⁷. Через несколько дней другая газета сообщила: «На этой неделе в Литерат.-Артистич. клубе состоялось несколько заседаний «Кружка молодых поэтов», учрежденного П. Пильским. В действительные члены о-ва выбраны: Жгут-Комар, Сем. Кесельман, Цагарелли, Валентин К., Вл. Дидрихштейн и др.»⁴⁸. Как видим, в перечне нет ни Дези, ни Дзюбина.

Еще одна газетная информация, от 12 июня: «В курзале Хаджибеевского лимана в это воскресенье 15 июня состоится «Вечер поэтов», в котором примут участие пятнадцать поэтов юга. <...> Участвующие: гг. Багрицкий, Баткис, Биск...»⁴⁹ (перечислены пятнадцать фамилий в алфавитном порядке). В тот же день, с цензурным разрешением от 12 июня, были заказаны печатные программа и афиша с почти идентичными текстами. Запомним эту дату, 12 июня 1914 года (или 25.06 по новому стилю) – первое, самое первое, появление в печати нового имени: Багрицкий!

Программа гласила: «Курзал Хаджибеевского парка. В воскресенье 15-го июня 1914 г. в 3 ч. веч. состоится единственный Вечер поэтов в 5-ти отделениях. Участвуют: критик Петр Пильский. Поэты: Эдуард Багрицкий, Леонид Баткис, Александр Биск...».

Далее описывалось каждое из пяти отделений: «Отделение третье. «Романтизм и футуризм». 1) Вступительное слово Петра Пильского. 2) Эдуард Багрицкий, стих.: а) «Летучий Голландец», б) «Дионис». 3) Анатолий Фиолетов, стих: «Городской сутолок», б) «Электрические сумерки»⁵⁰. Итак, 15 июня 1914 года – первое публичное выступление поэта Эдуарда Багрицкого!

Среди десятка положительных откликов прессы по поводу вечера особенно интересен следующий, от 17 июня: «Главная заслуга вечера в том, что он показал публике двух молодых, еще нигде не печатавшихся, но, безусловно, имеющих право на внимание поэтов – гг. Багрицкого и Фиолетова»⁵¹. Первый похвальный отзыв в печати! «Господину Багрицкому» было тогда восемнадцать с половиной лет.

Итак, в Одессе появился поэт Эдуард Багрицкий.

Судя по воспоминаниям современников, Багрицкий и Фиолетов были дружны. Оба впервые заявили о себе на вечере поэтов, выступили рядом в одном отделении «Романтизм и футуризм», оба выбрали себе «цветные» псевдонимы: Дзюбан стал Багрицким, а Шор – Фиолетовым.

Возникновению кружка молодых поэтов и знакомству с Багрицким посвящен ностальгический рассказ В. Катаева «Встреча», впервые опубликованный в 1936 году, в известном Альманахе. Катаев отметил, что это было «событие, оказавшее влияние на всю мою дальнейшую жизнь», что «в этот вечер – еще не зная этого – я выбрал себе дорогу». Думается, что-то похожее мог ощущать и Багрицкий. Поначалу все происходящее было отнесено Катаевым к лету 1913 года, но при переиздании рассказа в 1973-м ошибочная дата была исправлена: вместо 1913 проставлен 1914 год⁵². В книге «Алмазный мой венец» писатель с удовольствием вновь вернулся к воспоминаниям о тех временах.

В том же номере газеты от 17 июня 1914 года, где отмечалось удачное выступление Э. Багрицкого на поэтическом вечере, бросаются в глаза жирно набранные на соседних страницах заголовки репортажей об убийстве в Сараево наследника австрийского престола – зловещее начало кровавых катаклизмов XX столетия. Печальное совпадение... Молодые поэты успели 1 июля провести еще один вечер, в дачном театре на 16-й станции Большого Фонтана⁵³. Вскоре, 19 июля (1 августа по новому стилю), началась мировая война. П. Пильский, поручик запаса, был призван в действующую армию. Кружок молодых поэтов прекратил свое существование.

Больше никакой новой информации о Багрицком до конца текущего 1914 года в прессе не обнаружено.

* * *

Триумфальное вхождение Эдуарда Багрицкого в литературу начинается с 1915 года. 22 марта два его стихотворения были напечатаны в газете «Южная мысль»⁵⁴. До выхода статьи А. Розенбойма об «Аккордах» они считались первыми, опубликованными поэтом, и включены во все посмертные сборники стихов. Тексты обоих наполнены отзвуками только что начавшейся войны:

«...В дыму погибающих сел...» («Враг»);

«...Приходят с заката тевтоны
С крестом и безумным орлом...» («Славяне»).

Одно из стихотворений, «Враг», имеет в газетной публикации авторскую дату: «Ковно. Сентябрь», то есть сентябрь предыдущего, 1914 года, Ковно, ныне Каунас, в Литве. Получается, что Багрицкий находился осенью 1914 года в Прибалтике, вблизи театра военных действий, каким образом, почему он попал туда – неизвестно. Никто из мемуаристов, биографов, позднейших исследователей никогда не упоминал о таком факте. Может быть, это авторская мистификация? В доступных источниках нигде не встретилось ни одного документа, освещающего взаимоотношения Багрицкого с военным ведомством: пытались ли его мобилизовать в период мировой войны, давали отсрочки на время учебы или освобождали по состоянию здоровья? Ведь многие из его сверстников-поэтов были призваны в армию. Стихотворение «Перед отъездом», по всем штрихам, – автобиографическое, связано с «поэтом, на войну уезжающим» (опубликовано в сентябре 1915-го). И в поэме «Февраль», которую иногда считают автобиографической, лирический герой назван вольноопределяющимся, а некоторые события отнесены к той же Прибалтике (Мазурские болота). В воспоминаниях Ф. Левина приводятся слова Багрицкого: «Поэма эта о себе самом, о старом мире. Там почти все правда, все это со мной было»⁵⁵. Следующему поколению биографов поэта следовало бы специально заняться этим «белым пятном».

* * *

В начале апреля 1915 года вышел из печати славноизвестный альманах «Серебряные трубы»⁵⁶, а в нем – восемь стихотворений Э. Багрицкого. Все они были полностью перепечатаны в первом томе «Собрания сочинений» 1938 года, учтены библиографическими указателями, выборочно повторяются в последующих сборниках. В их числе «Дионис», создавший репутацию неизвестному еще автору на вечерах молодых поэтов летом 1914-го. В современных изданиях «Дионис» обычно помещается среди произ-

ведений 1915 года, по времени первой публикации, но написано стихотворение не позднее июня 1914-го (судя по упоминанию в программе вечера на Хаджибеевском лимане). «Дионис» долго сохранял популярность, Багрицкий читал его, например, 26 апреля 1916-го, на вечере в Литературно-художественном клубе⁵⁷.

К маю 1915-го «Серебряные трубы» стали известны и в столице – в петроградском журнале «Театр и искусство» появилась обстоятельная рецензия, где оценены стихи каждого из авторов. «Некоторые стихотворения сборника, написанные без излишних «вывертов», говорят о наличии искры Божией у авторов. <...> г. Эдуард Багрицкий. У него лучше всех стихотворение «В пути» (стр. 10). Образно передано настроение на судне во время бури среди океана, тяжко беспросветное. И у этого же поэта в стих. «Креолка» явно несуразные стихи <...> Г. Цагарели менее других вычурен, его поэзия искрення, но образности в ней меньше, чем у его товарищей, гг. Багрицкого и Фиолетова, которые несомненно одарены более других»⁵⁸. Снова выделены Багрицкий и Фиолетов!

Среди рукописей поэта С. Кесельмана, который был также и незаурядным рисовальщиком, сохранился лист с шаржами на участников «Серебряных труб» с едкими их характеристиками⁵⁹. Кесельман – на шесть лет старше Багрицкого, к тому времени уже зарекомендовал себя многочисленными публикациями, при организации кружка поэтов 1914 года был одним из арбитров, отбирившим достойных. Он участвовал в «Шелковых фонарях», первом из серии альманахов, но в «Серебряных трубах» его стихов не оказалось. По рассказам И. Бобовича, внутри группы авторов возник какой-то конфликт, скорее всего – между Кесельманом и П. Сторицыным (Жоганом). В результате родилась любопытная карикатура.

Заголовок всей композиции – «Оловянные дудки» – пародирует название сборника. Даны шаржированные «портреты» пяти участников «Серебряных труб» с текстовыми ремарками. Одна из них: «Главный поэт сборника Эдуард Багрицкий (Дзюбин). Пишущий под псевдонимами: 1) Н. Гумилев, 2) Теофиль Готье, 3) Леконт де Лиль, 4) Бодлер, 5) Там видно будет. Справа – обложка будущей книги стихов поэта». Если Г. Цагарели отмечен

карикатуристом как «инициатор сборника», «Поэт Коган» (Петр Сторицын) – как «субсидирующее предприятие», то Э. Багрицкий выделен как «главный поэт сборника». Проницательно подмечен круг авторов, которыми интересовался или которым подражал начинающий литератор. И опять, в который раз, доминирует Багрицкий.

* * *

В августе 1915 года одесский журнал «Южный музыкальный вестник» опубликовал три стихотворения молодых участников альманахов Э. Багрицкого, Г. Цагарели и П. Сторицына под общим заглавием «Тексты для мелопоэзии. К интермедии «Медальон Антуанетты»⁶⁰. Текст Багрицкого назван «Песенка Антуанетты». Никакой другой информации о существовании интермедии не обнаружилось. Стихотворение очень близко к обеим «Газеллам» из «Серебряных труб». Оно должно быть введено в научный оборот, так как не было замечено последующими исследователями, не вошло ни в один из сборников поэта и не учтено библиографическими указателями (см. *Приложение*).

Вскоре, в сентябре 1915 года, вышел из печати следующий альманах – «Авто в облаках»⁶¹, изданный той же группой поэтов с урбанистической, почти кубистической обложкой по рисунку Сандро Фазини. Багрицкий был представлен восемью стихотворениями. Пять из них, под уже привычной подписью *Багрицкий*, открывали книгу, а еще три были помещены отдельно, несколько дальше (как бы другого автора), под псевдонимом *Нина Воскресенская*. Это следует понимать не как попытку скрыть авторство, но как сознательную мистификацию, эпатаж читателя. Ведь именно стихи Нины Воскресенской вызвали повышенный интерес рецензентов (чаще – со знаком минус). В дальнейшем все восемь стихотворений были перепечатаны в «Собрании сочинений» 1938 года, большей частью повторены в последующих сборниках, учтены в библиографии. Достаточно освещена и история с псевдонимом *Нина Воскресенская*⁶², за исключением одного – нигде не отмечен случай его повторного использования в 1919 году⁶³. По сравнению с недавним альманахом «Серебряные трубы» стихи Багрицкого из «Авто в облаках» с «Гимном Маяковскому» отличаются совершенно иной, новой для поэта стилис-

тикой, демонстрируют пристальный интерес к освоению опыта футуристов. Эксперимент удался, имел внешний успех, эпатировал публику, но не удовлетворил самого автора. В следующих стихах, конца 1915-го и, особенно, 1916 года (сборник «Седьмое покрывало»), наблюдается возврат к прежней манере, на более высоком качественном уровне, но даже без намеков на недавний «футуризм». Это очень наглядно прослеживается, если положить перед собой рядом три альманаха. К сожалению, во всех последующих переизданиях, начиная с «Собрания сочинений» 1938 года, ранние стихи подаются вперемешку, без сохранения последовательности публикаций внутри 1915 года, и чередование стилистических особенностей стирается.

Молодые поэты, участники «Серебряных труб» и других сборников, были тесно связаны с газетой «Южная мысль». Еще в 1912 году двое из них, Г. Цагарели и Я. Гольденберг, значились среди постоянных сотрудников газеты⁶⁴. Исидор Бобович вспоминал: «Эта газета, выходящая в середине дня и игравшая роль вечерней газеты, была по тем временам прогрессивного направления и сгруппировала вокруг себя преимущественно литературно-журналистскую молодежь. Газета помещала на своих страницах стихи молодых поэтов и... явилась центром, объединившим кружок молодых поэтов, выпустивших в свет стихотворные альманахи»⁶⁵. Редакция, контора и типография помещались в центре города, на углу Дерибасовской и Ришельевской, в «новоотстроенном доме Новикова». Именно в «Южной мысли» появились в марте 1915-го первые пробы пера за подписью *Багрицкий*. И завершился 1915 год для Багрицкого, уже неожиданно прославившегося, – публикацией 25 декабря в той же «Южной мысли» двух новых стихотворений: «Из цикла «Песни Китая». «Танцовщица» и «Осень»⁶⁶. Они были перепечатаны в Альманахе 1936 года, затем в первом томе «Собрания стихотворений» 1938-го, учтены библиографами. А «Осень» стала со временем хрестоматийной:

Литавры лебедей замолкли вдалеке,
Затихли журавли за топкими лугами,
Лишь ястреба кружат над рыжими стогами,
Да осень шелестит в прибрежном тростнике...

Примечания

- ¹ Шенгели Г. Анатолий Фиолетов // Театр. Одесса, 1919. № 23, 12 дек., с. 7. – Шенгели Георгий Аркадьевич (1894-1956) – поэт, теоретик стихосложения. Жил преимущественно в Москве, 1919-1921 провел в Одессе.
- ² Катаев В. Бездельник Эдуард // Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. – М., 1956, с. 112. – Авторская дата – 1920. Первые публикации отдельных глав – с 1923.
- ³ Спивак М.Л. Эдуард Багрицкий. Мемуары для служебного пользования, или Посмертная диагностика гениальности // Литературное обозрение. – М., 1996. № 5-6, с. 198-207; 1997. № 1, с. 34-60, 201. – Далее в прим.: Спивак, 1996; Спивак, 1997.
- ⁴ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Сост. Г.А. Морева; авт. ст. М.Д. Шраер. – СПб., 2000.
- ⁵ Советские писатели: автобиографии. – М., 1966. Т. 3, с. 64.
- ⁶ Там же, с. 36.
- ⁷ Спивак, 1997, с. 51.
- ⁸ Эдуард Багрицкий: альманах / Под ред. Вл. Нарбута. – М., 1936, с. 145-147. – Далее: Альманах, 1936.
- ⁹ Блох С.Д. Материалы к библиографии изданий произведений Э. Багрицкого и литературы о нем // Филологический сборник Казахского университета. – Алма-Ата, 1974. Вып. 13-14, с. 14-16. – Блох Серафима Давыдовна летом 1968 приезжала из Москвы в Одессу для изучения материалов по «литературной Одессе». Сохранилось рекомендательное письмо Лидии Густавовны Багрицкой, вдовы поэта, к А.Ю. Розенбойму от 10 авг. 1968 с просьбой о содействии.
- ¹⁰ Спивак, 1997, с. 50.
- ¹¹ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Авт. вступ. ст. Е.П. Любарева. – М.; Л., 1964, с. 8.
- ¹² Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы / Сост., авт. вступ. ст. Л. Волгин. – М., 1987, с. 8.
- ¹³ ГАОО, ф. 39. Одесский городской раввинат. Оп. 5, ед. хр. 75, л. 377, об. – Публикуется впервые. Упоминания о метрике и подлинной фамилии Багрицкого имеются в статье М. Спивак. Впервые пришлось услышать о существовании метрической записи о рождении поэта в феврале 1969 года, в докладе краеведа Авраама Аароновича Владимирского (1910-1986) на заседании секции книги Одесского Дома ученых (Архив секции. Ед. хр. 3.1, л. 28. – Передан в ГАОО. Фонд С.З. Лущика), но опубликован документ не был. Беглая газетная информация о находке Владимирского появилась еще в 1966 году (Кноп О. Багрицкий починався так... // Комсомольська іскра. – Одеса, 1966, 15 червня).
- ¹⁴ Альманах, 1936, с. 145.
- ¹⁵ Вся Одесса. Адресная и справочная книга всей Одессы с отделом Одесский уезд на 1914 год. Одесса, 1914. Разд. «Алфавитный указатель жителей», с. 135.

- ¹⁶ Радзинский Станислав Адольфович (1889-1969) – писатель, драматург. Со-трудник одесских периодических изданий в 1910-е. Со второй половины 1920-х жил и работал в Москве; Соколовский Александр Саулович (1895 – после 1941) – одесский поэт. С 1920 в эмиграции. Жил в Бухаресте и Нью-Йорке.
- ¹⁷ Спивак, 1996, с. 201.
- ¹⁸ Ройтман А.Д. «В квартире Дзюбиных...». Рукопись, черновая, без названия. Одесса, 1985, 6 с. Публикуется впервые. Собрание С. Луцника. – Ройтман А.Д. (1908 – после 1985). Имя, отчество и год смерти не установлены.
- ¹⁹ Советские писатели: автобиографии. – М., 1966. Т. 3, с. 35.
- ²⁰ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. – СПб., 2000, с. 256.
- ²¹ Багрицкий Э. Стихотворения и поэмы. – М., 1987, с. 6.
- ²² Скуратов Б. Ранние годы // Альманах, 1936, с. 187-188. – Скуратов (Погорелер) Борис Борисович (1897-1975) – московский журналист; в юности – одесский поэт.
- ²³ Э-сь (Эскесс; Кесельман С.) Почтовый ящик // Крокодил. Одесса, 1912. № 17, апр., с. 8. – Кесельман Семен Иосифович (1889-1940) – одесский поэт.
- ²⁴ Агор М. Матовый фонарь // Молодой журнал. Одесса, 1913. № 1, янв., с. 33. – На протяжении книги транскрипция имени автора меняется трижды: «Максагор» на обложке; «Рассказ Макс-Агора» на с. 33 в заголовке; «Макс Агор» на с. 40 в подписи под рассказом.
- ²⁵ Агор М. Набережная: отрывок из рассказа «Старый дом» // Молодость. Одесса, 1913. № 1, апр., с. 8.
- ²⁶ ГАОО, ф. 10. Временный комитет по делам печати в г. Одессе. Оп. 1, ед. хр. 150, л. 7.
- ²⁷ Там же, л. 9-26.
- ²⁸ Розенбойм О. Перший псевдонім // Комсомольська іскра. Одеса, 1969. 8 липня, с. 3. – Розенбойм Александр Юльевич (1939-2015. – **Ред.**) – популярный одесский краевед, автор книг, статей, телевизионных выступлений (часто – под псевдонимом Ростислав Александров).
- ²⁹ Одесский литературный музей. Фонды. № КП-811; ПИ-688.
- ³⁰ ГАОО, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 134, л. 177.
- ³¹ Аккорды. Одесса, 1913. № I. Стб. 9-10, 15-16. ~ Пагинация в издании не по страницам, а по столбцам набора, по два столбца на каждой странице. Стихотворению «Мечте» (стб. 15) предпослано: «Посвящается А. Э.», адресат не установлен; Аккорды. Одесса, 1914. № 2. Стб. 5-6, 7-10, 17-18.
- ³² Блох С.Д. Указ. соч., с. 8; Русские советские писатели. Поэты: библиограф. указ. Т. 2. – М., 1978, с. 202 (прим. 4), 212, 223.
- ³³ Парнис А. Голос времени: к 90-летию со дня рождения Эдуарда Багрицкого // Книжное обозрение. – М., 1985. № 44, 1 нояб., с. 16.
- ³⁴ Кремер Иза Яковлевна (1890-1956) – популярная певица, писала стихи. Эмигрировала, умерла в Аргентине; Биск Александр Акимович (1883-1973) –

поэт, переводчик, автор нескольких сборников стихов, изданных в Петербурге, Одессе, Париже. Эмигрировал, жил в Брюсселе, Нью-Йорке; Гольденберг Яков Маркович (1890 – конец 1960-х?) – поэт, сатирик. Печатался под многими псевдонимами, самые популярные – Яго и Яков Галицкий. В сентябре 1913 поселился в Одессе, после революции жил в Москве; Бобович Борис Владимирович (1896-1975) – поэт, журналист. Начиная в Одессе рядом с Багрицким, после революции жил в Москве.

³⁵ Розенбойм О. Перший псевдонім // Комсомольська іскра. Одеса, 1969. 8 липня, с. 3. – Розен Лев Абрамович (1894-1977) – других его публикаций в одесской периодике не обнаружено. С 1930 был доцентом Одесского художественного института, читал курс по истории театра (см.: ГАОО, ф. Р-499, оп. 1, ед. хр. 1737, л. 16). Работал также в Муздрамине, на радио. После войны возглавлял отдел культуры.

³⁶ Речь идет об альманахе «Шелковые фонари», который вышел из печати в марте 1914.

³⁷ Бобович И. Все, что память сберечь мне старается...: фрагменты воспоминаний. Ташкент, 1975, с. 32. Машинопись, 52 с. Собрание С. Луцика. Не опубликованы. – Бобович Исидор Владимирович (1894-1979) – участник пяти поэтических альманахов, 1914-1917. После окончания университета отошел от литературной деятельности, стал банковским служащим. Уехал из Одессы, жил в Средней Азии.

³⁸ Александров Р. [Розенбойм А.]. «Если отстоялось словом...» // Веч. Одесса. 1978, 9 сент., с. 4.

³⁹ Вся торгово-промышленная Одесса: адресно-справочная книга на 1914 год. – Одесса, 1914, с. 449.

⁴⁰ Альманах, 1936, с. 145.

⁴¹ Блох С.Д. Указ. соч., с. 14.

⁴² Desi. Вера Инбер. Бренные слова. Одесса.1922 // Театр. Одесса, 1922. № 2, 4 апр., с. 16. – Всего вышло 4 номера.

⁴³ Инбер В. Цветы на асфальте / Сост.: Е. Голубовский, А. Яворская. Одесса, 2000, с. 89.

⁴⁴ «Одессика» (Январь 1964 г. – декабрь 1973 г.): [указатель заседаний и докладов]. Одесса, 1978, с. 6, № 25. 16.V.1966. – О Владимирском см. прим. 13.

⁴⁵ Сосюра Б. Сокровищница истории и культуры // Знамя коммунизма. Одесса, 1966, 5 июня.

⁴⁶ Кноп О. Багрицкий починався так... Про одну літературну знахідку // Комсомольська іскра. Одеса, 1966, 15 червня.

⁴⁷ Пильский П. Поэтам Одессы (письмо в редакцию) // Маленькие одесские новости. 1914. 27 мая (9 июня), с. 5. – Пильский Петр Моисеевич (1876-1941) – журналист, критик, автор нескольких книг и бесчисленного множества статей. Учился в Москве, жил в Петербурге, Одессе; летом 1920 бежал из советской Одессы через Днестр, поселился в Риге.

⁴⁸ Одесский «Парнас» // Одесский листок. 1914, 1 июня, с. 5.

⁴⁹ «Вечер поэтов» // Одесские новости. 1914, 12 (25) июня, с. 3.

⁵⁰ Единственные дошедшие до наших дней экземпляры программы и афиши сбереглись в домашнем архиве участника вечера, поэта Семена Иосифовича Кесельмана (1889-1940). В середине 1960-х вдова поэта Милица Степановна Заркова (1896-1981) передала семейные бумаги автору данной работы. Они легли в основу некоторых публикаций, например: Лущик С. По следам старой афиши // Вечерняя Одесса. 1982, 27 января, с. 4.

Прим. ред.: В 2016 г. на основе этого архива была издана книга стихов и рисунков С. Кесельмана «Стеклянные сны» со статьей С.З. Лущика. Исследователь не успел завершить работу над книгой, и она вышла при участии Е. Голубовского, О. Барковской и А. Яворской.

⁵¹ «Вечер поэтов» // Маленькие одесские новости. 1914, 17 (30) июня, с. 4.

⁵² Катаев В. Встреча // Альманах. 1936, с. 171, 175; Катаев В. Встреча // Эдуард Багрицкий: воспоминания современников. – М., 1973, с. 50.

⁵³ Подробнее о 2-м вечере поэтов см.: Бобович Б. Начало Эдуарда Багрицкого // День поэзии, 1965: [сборник]. – М., 1965, с. 247; Александров Р. Театр на Большом Фонтане // Веч. Одесса. 1987, 13 июня, с. 4; Александров Р. Прогулки по литературной Одессе.– Одесса, 1993, с. 92-95.

⁵⁴ Багрицкий Э. Славяне. Враг // Южная мысль. Одесса, 1915, 22 марта, с. 4. – Оба текста перепечатаны в Альманахе 1936 года и в последующих собраниях стихотворений.

⁵⁵ Левин Ф. Встречи с Багрицким // Альманах, 1936, с. 375.

⁵⁶ Газета «Южная мысль» известила 6 апреля 1915: «Сборник на днях появится в продаже». В библиотеке В. Брюсова в Москве сохранился экземпляр книги с дарственной надписью авторов, датированной 8 апреля 1915 (см.: Парнис А. Голос времени // Книжное обозрение. – М., 1985. № 44, 1 нояб., с. 16).

⁵⁷ Отчет правления Одесского литературно-художественного клуба за 1916-й год. – Одесса, 1917, с. 11.

⁵⁸ Тамарин Н. Серебряные трубы. Стихи. – Одесса. 1915 г. Цена 75 к. // Библиотека театра и искусства: прил. к № 22 журн. «Театр и искусство». Пг., 1915. Кн. V, май, с. 21-22.

⁵⁹ [Кесельман С.]. «Оловянные дудки»: иллюстрированное издание для потомства. Рукопись. Бумага, тушь. 35,5×20,3 см. Собрание С. Лущика. Публикуется впервые. – Шаржи на поэтов: Г. Цагарели, Я. Гольденберга (Яго), Э. Багрицкого, Когана (П. Сторицына), И. Бобовича. – **Прим. ред.** см.: Лущик С.З. Чудо в пустыне. Одесские альманахи 1914-1917 годов // Дом князя Гагарина: сб. науч. ст. и публ. Вып. 3, ч. 1. – Одесса, 2004, с. 172-174 ил.; Кесельман С. Стеклянные сны. – Одесса, 2017.

⁶⁰ Багрицкий Э. Песенка Антуанетты: из интермедии «Медальон Антуанетты» // Южный музыкальный вестник. – Одесса, 1915. № 8-9, авг., с. 13-14. – В предыдущем номере журнала была напечатана похвальная рецензия на альманах «Серебряные трубы».

⁶¹ [Объявление] // Южная мысль. – Одесса, 1915, 27 сентября, с. 1. – «Вышла в свет и продается в лучших книжных магазинах города книга «Авто в облаках». Известна рецензия на сборник в газете от 13 сентября.

⁶² В частности, см. недавнюю книгу: Поэты, которых не было / Сост. И. Фоянков. – СПб., 2000, с. 61.

⁶³ Воскресенская Н. Хочется и колетя!.. // Ежик в сметане. – Одесса, 1919, № 1, 4 апр., с. 3. – Эта публикация лежит за хронологическими рамками нашей работы, но все же коснемся ее вскользь, чтобы обратить внимание будущих исследователей. «Ежик в сметане» – сатирическая газетка, единственный номер которой появился 4 апреля (н. ст.) 1919, в день очередной смены властей в Одессе, когда уходили французские войска и пришли «красные». Текст, подписанный Н. Воскресенской, – рифмованная агитка, нарочитое подражание Маяковскому – грубый выпад в адрес журналистов и редакторов местных газет предыдущего периода. С насмешкой упомянуты многие известные уважаемые фамилии. Текст агитки четко совпадает с позицией Багрицкого в скандале, разыгравшемся неделю спустя, 11 апреля. Скандал этот подробно описан в дневнике В. Муромцевой, очерке И. Бунина «Волошин», воспоминаниях А. Биска, упомянут в «Записках о гражданской войне» и «Траве забвенья» В. Катаева. Приводим цитату из рукописи воспоминаний Биска, мало известных широкому кругу читателей: «Багрицкий был безудержный талант; в жизни это был форменный хулиган. Когда ушли первые большевики, он, в качестве освободителя города, ходил по Дерибасовской с винтовкой через плечо. Но когда в марте 1919 г. большевики воцарились вторично, на 4 месяца, Багрицкий сменил вехи. <...> Мы решили учредить Профессиональный союз литераторов. <...> Председателем был выбран старый уважаемый литератор, редактор журнала «Театр и искусство» Кугель. И вот произошла отвратительная сцена: как только Кугель начал говорить, Багрицкий прерывает его истерическим криком: «Зачем вы посадили сюда эту старую ворону, дайте дорогу нам, молодым» (Биск А. Одесская литературка / Публ. Е.Л. Яворской // Дом князя Гагарина: сб. ст. и публ. Одес. лит. музея. – Одесса, 1997, с. 150).

⁶⁴ Первая годовщина «Южной мысли» // Южная мысль: ил. прил. – Одесса, 1912. 1 сент., с. 1-4.

⁶⁵ Бобович И. Все, что память сберечь мне старается...: фрагменты воспоминаний. – Ташкент, 1975. Машинопись, с. 23. – Собрание С. Лущика.

⁶⁶ Южная мысль. – Одесса, 1915. 25 дек.: [Рождественский номер], с. 2.

Мечте

Посвящается А. Э.

Я сплету венец свой нежный из играющих снежинок,
Из пушистых, нежно-томных, как сверканье серебра...
Я одену твои кудри тонкой сетью паутинок
И рубинами, что ярче света алого костра...

И лишь только повернешься и встряхнешь слегка кудрями...
Загорится, замелькает эта дивная роса...
Загорится, заиграет нежно-рдяными огнями,
И закрою я от страсти заблестевшие глаза...

Из души своей возьму я луч поэзии священный
И с улыбкой нежной брошу в твою мраморную грудь...
И он вспыхнет, загорится точно солнца луч нетленный...
И проложит прямо к сердцу свой звучащий нежно путь...

Ты предстанешь предо мною, точно зорька молодая,
Золотая, огневая, в вечно-дивной красоте...
И к ногам твоим я брошусь, умирая и рыдая,
Припаду, забудусь нежно, все отдам своей мечте...

Дези

Аккорды. – Слишком много в сердце песен,
Слишком мало в сердце струн...
Одесса, 1913. № 1. Стб. 15-16

Розы

Страстью опьяненные, нежно благовонные,
Тихие и сонные
Розы наклонились...
Гордые, прекрасные, ярко-ярко красные,
Как вакханки, страстные
Солнцу дня раскрылись...

Смотрят, удивленные, светом изумленные,
Смотрят, полусонные,
В синеву небес...
Ветерок с улыбкою, нежною и зыбкою,
Напеваает скрипкою
Сказочку чудес...
Даль горит опалами, чистыми кристаллами,
Красными кораллами
Розы расцвели...
Над травой томление, шорохи и пение,
Да лучей горение
В радостной дали...
Росы серебристые, как алмазы чистые,
Как огни лучистые
В нежных розах спят...
Мотыльки огнистые, нежно-золотистые,
Бросив дали мгlistые,
Над травой летят...

Эдуард Д.

Аккорды. Одесса, 1913. № 1. Стб. 9-10

Лунные цветы

В лунном сиянии есть очертанья
Бледных увядших цветов...
Все побледнели, все онемели
В лунном сиянии снов.
Вот орхидеи, будто злодеи,
Смотрят в зловещую мглу,
Томно склоняясь, в ночь удаляясь,
Гимны поют они злу...
Бледны и странны, смотрят тюльпаны,
Свившись, как змеи, в борьбе...
Запах могилы, темные силы,
Цвет их подвластен Судьбе...

Грустны и жалки, шепчут фиалки.
Тихо, покорно глядят...
В вечном покое, гордо левкои
В ночь устремляют свой взгляд.

Desi

Аккорды. Одесса, 1914. № 2. Стб. 5-6

Поэт

Ты родился в сверкающий день...
Солнце ярким шаром огневело,
Только в нишах суровая тень,
Как преступник, сжимаясь, темнела...
В твоё тело вонзило лучи,
Точно иглы, могучее солнце, –
Как порывы любви, горячи,
Они тихо проникли в оконце...
Над кроваткою нежно склонясь,
Солнце дивные сказки шептало...
Даль горела, в лучах золотясь,
Даль рубинами ярко сверкала...
Солнце пело о дивных мирах,
О сплетеньях планет златоцветных,
О воздушных лазурных морях,
Об улыбках призывно-ответных.
И ты вырос средь многих – один,
С светлым духом, с сияньем во взоре...
Ты – титана горящего сын,
Твое сердце – безбрежное море...
Ты напевы о солнце слагал –
Песни страсти волшебные клики...
И титана горящий металл
В твои очи отбрасывал блики...
Ты о море бушующем пел,
Пел приливы его и отливы.

И твой голос, как арфа, звенел,
В нем на диво звучали извивы...
И лазурные волны сплелись,
Светозарный шатер образуя...
В нем опалы огнями зажглись
И в него ты вошел, торжествуя...
Твой же дух стал лучом золотым,
Стал лучом пламезарного Феба,
Вздохом ветра, огнем неземным,
Тихой сказкой лазурного неба...

Эдуард Дзюбин

Аккорды. Одесса, 1914. № 2. Стб. 17-18

Приложение

А.Д. Ройтман

[Отрывки из воспоминаний]

В квартиру Дзюбиных (тогда еще псевдонима не было) я вошел первый раз в 1914 году, когда мои родители переехали в Одессу из местечка Михайловка (Гросулово), в возрасте 6 лет. Квартира эта находилась на Ремесленной улице, № 4 (Осипова). Бельэтаж правого дворового флигеля. Несмотря на то, что я еще был ребенок, но в моей памяти запечатлелась вся внутренняя обстановка квартиры. Большой массивный буфет, стоящий с левой стороны, с мраморной доской и двумя львами, поддерживающими верхнюю часть темно-вишневого цвета. Огромное зеркало с правой стороны в золоченой раме между оконными проемами и ломберный столик под ним. В середине комнаты обеденный стол с висящей над ним керосиновой лампой под молочным абажуром.

Смежная комната Эди, тахта с ковром и клетки с птицами. Эти клетки были размещены по всей высоте всех трех оконных проемов. Внизу на подоконниках – аквариумы с рыбами. Тут же, как сейчас помню, книги Брэма – животный мир. Птицы, рыбы были тогда и в последующей жизни [ее] составной и неотъемлемой частью. Астма, которой он болел с детства, уже начинала прочно

давать себя чувствовать. Кормление всей проживающей в квартире живности, хоть и малогабаритной, забирало очень много времени, кроме того, что корм нужно было еще добывать. Если всякая крупа и конопля могла быть куплена, то за дафниями нужно было отправляться к канавам Хаджибея и там их вылавливать.

Вспоминая об Эде, необходимо упомянуть о наших родственных отношениях. Наши матери – родные сестры. Ида Осиповна Дзюбин, урожденная Шапиро, – мать Э. Багрицкого; Полина Осиповна Ройтман, урожденная Шапиро, – моя мать. Так что Э. Багрицкий приходится мне двоюродным братом со стороны матери.

Отец Багрицкого Г. Дзюбин среднего роста, довольно полный, отличался исключительной воспитанностью и добрым характером. Жизнерадостный, приветлив, всегда его разговор отличался юмором. Вот таким он остался в моей детской памяти; я помню, что он тогда работал, так говорили в семье, у Пташникова – приказчиком. Это торговая мануфактурная: фирма. <...> Смерть отца, 1918 г., унесла все благополучие семьи, одновременно совпавшая с революцией. Я не помню отъезд Багрицкого на персидский фронт, но приезд его мне запомнился привезенными чувяками, расшитыми золотом. Это был 1918 г. В это время в их квартиру вошла Лида – Лидия Густавовна Суок, ставшая женой Багрицкого. <...>

Тяжелые революционные годы и меняющаяся власть в городе не давали возможности общения с братом, учитывая еще разность в возрасте: 1895 – 1908, [не] оставили в памяти подробностей жизни Эдуарда. В 1922 году мать Багрицкого, сестра моей матери, переезжает на постоянное место жительства в нашу семью. Мы жили тогда на Новобазарном пер., 3. Комната тети была обставлена всей той мебелью, которая была на Ремесленной, 4. В нашей семье мать Багрицкого прожила до своей кончины [в] 1939 г. Одновременно с переездом к нам матери Эдуард переезжает в Лермонтовский переулок. Угловой дом, Лермонтовский и Белинского. Квартира находилась в глубоком подвале, окна которого были ниже уровня земли. Чем был вызван этот переезд, и с таким контрастом – благоустроенная квартира на Ремесленной в бельэтаже на глубокий подвал, сейчас припомнить не могу. В этом подвале на Лермонтовском в 1922 г. родился Сева – Всеволод Багрицкий.

Летом, как мне вспоминается, этого же года Сима Суок, жена Нарбута Владимира Ивановича, забрала Багрицких к себе в квартиру, но из-за отсутствия свободной жилой площади получился второй контраст, Багрицкий с пополнением семейства разместился на антресоли, высота которого не превышала 2-х метров при площади этого антресоля около 7 м², ну, об обстановке рассказывать нечего. Тахта, коляска для ребенка и стул. Ко всему этому нужно прибавить ужасную нужду, когда еле-еле сводили концы с концами. Квартира, о которой я пишу, находилась на ул. Подбельского, 40 (Коблевская), левый дворовой флигель, третий этаж. На Подбельского Багрицкий прожил недолго, т. к. вскоре переехал на Дальницкую, № 3, внутри двора, противоротный флигель, второй этаж. Это была нормальная благоустроенная квартира из двух комнат. Комната, окна которой выходили во двор, была полностью отдана птицам. По стенам и в оконном проеме висели в несколько рядов клетки. <...> Тяжелая материальная жизнь, астма, которая почти никогда не оставляла его, восполнялась природой дома. <...>

В последний раз я видел Эдуарда в 1924 г., когда он пришел к нам прощаться с матерью и нами. <...>

12.10.1985 г.

Перепечатано с оригинала рукописи. Опущены фрагменты текста о сестрах Суок, о птицах, о посещении опустевшей квартиры Багрицких в Москве в 1938 г. Текст не редактирован, лишь проставлены необходимые знаки препинания. – С. Луцки.

Подготовила публикацию Ольга Барковская

